

<К. Д. КАВЕЛИН>

О нигилизме и мерах, против него необходимых

Десятилетие царствования Вашего императорского величества составляет бесспорно самую счастливую и благодетельную эпоху в истории России XIX века. По громадности совершенных или предпринятых Вашим величеством преобразований и значению их для будущего развития нашего отечества царствование государя освободителя не имеет себе подобного со времени Петра, и становясь наряду с эпохою великого обновителя России, отличается от нее лишь тем духом христианской любви и уважения к достоинству человека и к потребностям народа, которым проникнуты настоящие реформы.

Сопровождающий благодеяния внутренних преобразований успех в делах внешних, бескровное торжество над европейскою коалицией по польскому вопросу, покорение Кавказа, приобретение обширных и столь важных в будущем областей на востоке — все это показывает, что над Россиею, со вступлением на престол Вашего императорского величества, возшла счастливая звезда.

Темную сторону настоящей эпохи, имеющей столь много светлых сторон, составляет тот дух материализма и отрицания, который сделался известен под именем «*нигилизма*» и недавно проявился, во всем ужасе своем, потрясающим событием.

Необходимо ближе изучить корень этого зла и определить, в каких оно находится отношениях к другим общественным явлениям нашего времени, дабы судить о мерах, коими следует бороться с этою умственной заразою.

Прежде всего очевидно, что нигилизм не имеет ничего общего с простым народом русским и с элементами его общественной жизни. Все, даже самые крайние уклонения и заблуждения

в среде русского крестьянства проявлялись в форме верования религиозного (раскольничьи секты) или превратно понятого чувства преданности к царской власти. Атеизм и отрицание монархической власти, лежащие в основе современного нигилизма, не имеют ничего общего с русским народом и диаметрально противоположны всем его стремлениям; оттого-то и все попытки герценовской партии войти в связь с раскольниками имели такую полную неудачу.

Нигилизм пришел к нам с запада и потому принадлежит исключительно той среде, которая находится в отчуждении от народа и принимает в себя все отражения западных идей, т. е. лицам¹ высших сословий и частью разночинцам². Родоначальником своим нигилисты признают главу так называемого западного направления в литературе нашей, Белинского. Как учение теоретическое, нигилизм перешел в Россию, в сороковых годах, из Германии и был лишь подражанием атеистическим и материалистическим теориям Фейербаха, Макса Штирнера и др., развивавшимся в немецкой литературе преимущественно до 1848 года. Если эти теории, которые до сих пор питаются у нас сочинениями своих немецких родоначальников и не произвели в России ни одного самостоятельного мыслителя, — если эти теории не исчезли здесь перед здравым смыслом и строгою наукой, как они исчезают в Германии, то следует приписать это явление преимущественно тем самым мерам, которыми в 1849 году правительство полагало противодействовать означенным вредным стремлениям: ограничение приема в университеты, кроме раздражения в массе молодежи, жаждавшей образования и которую правительство лишало к тому средств, произвело то, что множество молодых людей устремилось в единственный доступный факультет медицинский, и здесь они, не имея никакого призвания к медицинской специальности, приобретали только односторонний материалистический взгляд. Вместе с тем излишняя строгость полицейских мер имела последствием образование русской эмиграции, которая естественно сделалась руководительницею молодого поколения, выносившего из тогдашних учебных заведений семена материализма и вражды к правительству. Тогдашняя цензура, не допускавшая никакого суждения о вопросах религии, философии и государственного устройства, лишала людей мыслящих возможности опровергать ложные идеи, овладевавшие молодежью; вызывала к жизни целую рукописную литературу, ускользавшую и от закона,

и от критики, и таким образом содействовала только пагубному влиянию, которое имели в то время на умы молодого поколения все появлявшиеся в заграничной печати самые посредственные и нелепые статьи.

Заимствованный в начале сороковых годов из Германии, взращенный ложно-консервативными мерами 1849 года нигилизм есть произведение прошлой эпохи. В последнее время эта язва только выказалась явственнее в обществе и литературе, так же как и всё, что до того таилось в русской жизни. Что прежде оставалось в рукописях, жадно читаемых и переписываемых, то теперь выступило печатно; что жило прежде только в идеях молодежи, то стало теперь испытываться на деле, посредством устройства разных так называемых коммун. Но было бы совершенно ошибочно думать, что эта свобода, которую нынешнее царствование даровало всем общественным силам России и которою нигилизм воспользовался наравне со всеми прочими явлениями общественной жизни нашей, — что эта свобода содействовала развитию и усилению нигилистической заразы. Напротив, факты доказывают, что нигилизм внедрился в России и заразил молодое поколение в эпоху самого тяжелого надзора и гнета, между 1849 и 1855 годами. Сравним громадность общественного влияния на всю Россию, какое имел Герцен и его «Колокол» в первые годы настоящего царствования, с нынешним их ничтожеством; вспомним обаяние, какое окружало, еще так недавно, в обществе нашем и даже между людьми умеренными и вполне преданными правительству представителей нигилистического учения; вспомним время, когда все тобольское общество, и во главе его председатель губернского правления, начальник жандармов и директор училищ делали орации Михайлову; когда ни полицейское начальство, ни цензура III отделения³, ни цензура гражданская не отважились воспрепятствовать изданию писанного Чернышевским в крепости романа «Что делать?», ставшего заветною книгою нигилистов, и когда всё читавшее в России с жадностью поглощало это бездарное и пошлое сочинение; сравним тогдашнее время с нынешним, и мы убедимся, что расширение свободы в России не только не вело к развитию нигилизма, а напротив, все более и более подрывало его значение и силу.

Первым, решительным ударом влиянию Герцена и нигилистических теорий на большинство публики была крестьянская

реформа 1861 года, противопоставив туманным фразам и бредням о правах народа на землю и о мнимом коммунистическом направлении русских крестьян, серьезное, практическое, для всех сторон безобидное разрешение вопроса о поземельных правах земледельческого класса и его общественном самоуправлении. Вторым ударом нигилизму было восстановление прав русской народности в Западном крае и обязательный там выкуп, ибо это заставляло нигилистическую партию, которую предания лондонской эмиграции и дух оппозиции к правительству неразрывно связывали с интересами польского шляхетства, высказываться в польском деле прямо *против прав народа*: оттого-то замечают, что отправившись на службу в Польшу или Западный край, молодые люди, имевшие дома оттенок нигилистических теорий, немедленно освобождались от своих заблуждений. Открытие земских учреждений, доставляя русскому обществу серьезное *практическое* дело, вело также к упадку нигилизма; наконец, последним и самым решительным для него ударом было уничтожение предварительной цензуры, отнявшее у нигилизма предлог скрывать пустоту и безобразие своих теорий под разными недомолвками и намеками и давшее благоразумным органам печати возможность вести с ним открытую полемику. Таким образом, каждая из этих благодетельных мер была шагом к поражению нигилизма, и лучшим тому доказательством может служить сравнение того шаткого состояния, в каком находилось русское общество в 1861 и 1862 годах, во время прокламаций и студенческих манифестаций, с настроением, какое обнаружило оно при известии о событии 4 апреля 1866 г.⁴

Страшное это событие обратило всеобщее внимание на таившееся в русском обществе зло нигилизма, и само общество вызывает правительство к искоренению недуга. Какие же меры могут вести к этой цели?

Меры *полицейские* совершенно необходимы: но очевидно, что правительство не может ими ограничиться, ни даже поставить их на первый план в борьбе с нигилизмом, потому что полицейскими мерами удалось бы разве только предупредить или пресечь внешние, так сказать, проявления нигилистических теорий, как, напр., устройство каких-нибудь коммунистических общежитий, издание прокламаций, распространение печатаемых за границей изданий и, наконец, политические заговоры⁵. Но все это оставило бы самый источник зла нетронутым, а если бы правительство,

не ограничивая полицейских мер преследованием внешних, осязательных, подлежащих действию законов, проявлений нигилизма, захотело вести против самой идеи его борьбу полицейскими средствами, стеснением свободы в жизни общественной и в печати, то подобная реакция, как и в 1849 году, повела бы только к усилению нигилизма и всех вообще враждебных правительству элементов.

Нигилизм есть идея, есть учение философское, переходящее в своего рода религию (вера в *отсутствие* Бога, души и нравственного закона); это есть учение, имеющее уже своих пророков и жаждущее иметь своих мучеников. Потому, предоставляя полиции преграждать путь к наружному оказательству и публичной пропаганде нигилизма, так же как и к преступным замыслам фанатиков этого учения, нельзя, однако, терять из виду, что нигилизм лишь в весьма редких, исключительных случаях обнаруживается непосредственно такого рода явлениями; в большинстве же случаев учение это остается в области теории, отражающейся в убеждениях и нравственных понятиях, но неуловимой внешними средствами; следовательно, против него могут быть направлены с успехом только такие меры, которые были бы способны воздействовать на самую умственную среду, где нигилистическое учение находит себе пищу.

Среда эта — с одной стороны, духовное сословие и преимущественно семинарии, с другой стороны, дворянство и светские учебные заведения. Что касается до простого народа, то он, благодарение Богу, совершенно чужд этой заразы, и потому нет никакой надобности изменять нынешних, столь счастливых, исполненных взаимного доверия, отношений между правительством и крестьянским сословием. Единственная здравая политика в этом отношении состояла бы в поддержании этих отношений, стяжавших Вашему императорскому величеству, с бессмертною славою освободителя, беспредельную преданность русского народа. Следуя неуклонно в крестьянском деле благодетельному пути, с которого не могли удалить правительство ни козни аристократической партии, ни затеи псевдо-либеральной дворянской оппозиции, ни революционные движения 1862 и 1863 годов, надлежало бы только обратить более внимания на улучшение крестьянских школ, дабы нигилистическая пропаганда не могла проникнуть туда посредством недоучившихся семинаристов и злонамеренных учебников.

Духовное сословие имеет в отношении к нигилизму двоякое значение: значение *положительное* тем, что семинарии служат едва ли не главными рассадниками нигилистов; *отрицательное* тем, что духовенство наше не в силах, умственным и нравственным своим влиянием, противодействовать распространению атеистических и материалистических понятий в молодом поколении.

Известно, что из семинарий вышли корифеи, учителя нашего нигилизма, Чернышевский, Добролюбов и важнейшие из второстепенных его проповедников, что семинарии составляют главные его исходные точки. <...> Поэтому немедленное и коренное улучшение семинарий, с устройством преподавания в них на началах истинного православного просвещения, чуждого схоластики, и с устранением из управления ими монашеского деспотизма, было бы самым действительным и радикальным средством для поражения нигилизма в самом его источнике.

В духовное звание, как замечено выше, выходят в настоящее время почти только личности бездарные или посредственные из семинаристов. Улучшение семинарий поведет неминуемо к устранению этого страшного вреда для церкви и общества. <...>

Переходя к дворянскому сословию, нельзя прежде всего не заметить, что большинство нигилистов принадлежит само к дворянству в его молодом поколении. Этой крайней социалистической партии обыкновенно противопоставляют партию аристократическую, ультраконсервативную, бывших защитников крепостного права или безземельного освобождения крестьян, которые в настоящее время всех громче кричат против нигилизма, обвиняя правительство в том, что оно будто своими либеральными, так называемыми демократическими реформами, произвело это зло. Несмотря на то, именно между этими двумя на вид крайне противоположными сторонами в дворянстве нашем существует внутренняя связь. Здесь, как везде в истории и в жизни, *les extremes se touchent*⁶. Общую почву, на которой сходятся эти крайности, служит оппозиция против правительства, неудовольствие совершенными и совершаемыми реформами и, наконец, сочувствие полякам и их стремлениям (хотя, впрочем в последнее время замечается в аристократической партии желание загладить невыгодное впечатление, произведенное прежним слишком резким заступничеством за поляков). <...>

Итак, правительство имеет перед собою в дворянском классе две разнородные, хотя тесно связанные между собою, оппозици-

онные партии: оппозицию, преимущественно принадлежащую молодому поколению, с нигилистическим характером; и оппозицию старческую (хотя и в ее рядах попадаются некоторые молодые люди), ультраконсервативную, аристократическую.

Первой из них главной опорой, главным центром пропаганды служат казенные учебные заведения⁷. Потому только улучшением училищ можно положить преграду этой пропаганде. В настоящее время слышны голоса, утверждающие, что надобно не развивать и улучшать средние и высшие учебные заведения, а напротив, ограничивать их и затруднять к ним доступ; раздаются фразы о вреде так называемого умственного пролетариата. Ничего не может быть опаснее и превратнее подобного взгляда. Невозможно приискать такую комбинацию, при которой в университеты и академии попадали бы только люди зажиточные, а бедные были бы из них исключены. Напротив, между бедняками дворянского и чиновнического происхождения естественно должно проявляться большее стремление учиться, нежели между богатыми молодыми людьми, ибо для первых образование есть единственное средство обеспечить свою будущность. Закрыв или затруднив бедному юношеству доступ в университеты и другие высшие учебные заведения, правительство возбудило бы вновь, как в 1849–1855 годах, во всей этой массе молодых людей и в их семействах величайшее неудовольствие и заставило бы тысячи юношей оставаться при поверхностном полубразовании, составляющем самую удобную почву для материализма и революционных страстей.

Напротив, необходимо по возможности возвышать уровень образования и распространять серьезное знание. Между нашими нигилистами не было до сих пор ни одного человека с серьезным научным образованием. В пример достаточно привести Чернышевского, который считается корифеем учености между нигилистами и который печатно утверждал, что сталь происходит от окисления железа. Наши учебные заведения страждут вообще излишеством преподаваемых предметов, невольно порождающим поверхностность знания, поощрением фразерства в преподавании словесности и недостатком серьезных занятий теми основными предметами, на которых зиждется наша образованность. Исправить в смысле серьезного классического образования курсы наших гимназий; сосредоточить, в университетах, занятия студентов на меньшем числе избираемых каждым наук; устранить учебники, составлен-

ные в духе материализма; наконец, очистить, постепенно и повсеместно, личный состав преподавателей: вот в чем заключалось бы надежнейшее средство против нигилистической пропаганды.

Что касается до другой стороны дела, т. е. до оппозиции в смысле дворянского консерватизма, столь вредно отражающейся в умах молодого поколения, то с нею правительство может бороться только пассивным сопротивлением. Лучшая политика в этом отношении заключалась бы в том, чтобы выказывать доверие к дворянству, не придавая серьезного значения его оппозиционным выходкам, не имеющим никакого отголоска в народе и потому безопасным для правительства, но вместе с тем не делать никаких уступок своекорыстным дворянским домогательствам, под какую бы личиною, аристократическою и консервативною или либеральною и конституционною, они ни скрывались. <...>

Относительно нигилизма уже было замечено, что он укоренился и развился в сороковых годах, т. е. гораздо прежде начала современных реформ, в эпоху самой сильной реакции, и что он в значительной степени обязан своим распространением в молодом поколении дворянскому ропоту и крикам оппозиции против правительства за крестьянскую реформу.

В настоящее время было бы опаснее, чем когда-либо, поддаться этому ропоту, сделать уступку аристократической оппозиции. Когда весь народ русский, от мала до велика, поражен известием, что на царя преступную руку поднимал переодетый дворянин, а крестьянин, тут стоявший, спас жизнь своему и всенародному освободителю; когда всеми этими миллионами умов такое событие не могло быть понято иначе, как в смысле прямого знамения, проявленного божием промыслом: в такое время даже незначительное наклонение весов правительства в пользу исключительных интересов дворянства и в ущерб крестьян могло бы вызвать взрыв народных страстей, удерживаемых ныне лишь доверием к царю и его правительству. <...>

Очевидно, что по крестьянскому делу невозможна никакая уступка домогательствам дворянской партии. Остается другая сторона ее домогательств: вопрос о правах политических. Но в этом отношении следует прежде всего уяснить: *для кого* требуются дворянскою партией политические права?

Дворянство наше есть сословие многочисленное, обнимающее около миллиона душ; дворянские права одинаковы и для богача-аристократа, и для массы голодной молодежи, ищущей мест в кан-

целяриях или пробавляющейся писанием журнальных статей с обличительным оттенком. Неужели помышляют о том, чтобы наделить этот миллион душ какими-нибудь особыми политическими правами, которых не имело бы земство? Но это значило бы переделывать Россию в шляхетскую республику, какою была старая Польша, где дворянство, столь же многочисленное, как в России, добыв себе от королей исключительные политические права и присвоив себе таким образом часть верховной власти, прежде принадлежавшей исключительно королям, вскоре довело правительство до совершенного бессилия, лишило простой народ всех гарантий закона и внутреннею своею неурядицей повлекло государство к падению.

Конечно, никто даже из самых рьяных поборников дворянской грамоты нашей не пожелает для России повторения истории старой Польши, этого *дворянского рая*, как ее в то время называли. Поэтому люди, мечтающие о возможности исключительных политических прав для дворянства, придают своим притязаниям вид заботливости в пользу *крупного землевладельца*. <...> Излишним было бы доказывать историческими фактами, что аристократия не имеет никаких основ в России, что все те фамилии, из которых думают образовать в настоящее время политически-самостоятельную аристократию, обязаны своим значением или родству с венценосцами (как Рюриковичи, Гедиминовичи и т. д.), или государственной службе и что эта мнимая аристократия никогда не имела и тени политической самостоятельности в отношении к правительству, как аристократия на Западе. Известно притом, до какой степени западный аристократический элемент был всегда разрушителен для славянских государств, так что не только в Польше, но и в Сербии и Чехии возвышение аристократии на счет верховной власти повлекло за собою вскоре и самое падение этих государств. Подобно тому и история России показывает, что всякий раз, когда усиливалось боярство и захватывало в свои руки власть, как-то: в малолетство Иоанна IV, в эпоху самозванцев и при первых преемниках Петра Великого, государство повергалось в смуту и приходило в глубокое расстройство. Еще гибельнее были бы последствия подобного политического возвышения у нас аристократии в настоящее время, когда даже знатнейшие дворянские фамилии потеряли всякое действительное влияние на народ. Притом и в самом дворянстве уже сильна либеральная партия, не только питающая отвращение к олигархическим стремлениям прежних

крепостников, но желающая совершенного упразднения исключительных привилегий. Партия эта, доселе поддерживавшая правительство в его начинаниях и преимущественно содействовавшая успешному исполнению великой крестьянской реформы, обратилась бы неминуемо в оппозицию, если бы правительство перешло на сторону олигархических стремлений. <...>

* * *

В сжатых словах выводы наши заключались бы в следующем:

Нигилизм обязан своим укоренением и развитием преимущественно репрессивным мерам, действовавшим в 1849–1855 годах⁸.

Дух оппозиции и порицания правительства, проявляемый ультраконсерваторами по поводу освобождения крестьян и других реформ, обращается также в пользу нигилизма, ибо он приготавливает умы молодежи к восприятию всякой враждебной правительству и существующему порядку пропаганды.

Полицейские меры могут остановить или пресечь только внешние проявления нигилизма, но недостаточны для существенного противодействия его влиянию и распространению. Для такого противодействия необходимы главным образом следующие средства: 1) коренное преобразование семинарий, с устранением из них схоластики в преподавании и монашеского деспотизма в управлении; 2) улучшение положения духовенства и, главное, приходского, т. е. как материальное его обеспечение, так в особенности дарование ему большей самостоятельности и устранение его кастического характера; 3) улучшение светских казенных учебных заведений, посредством устранения многопредметности и усиления классического образования в гимназиях и сосредоточения в высших училищах молодых людей на серьезном изучении меньшего числа наук⁹.

В отношении дворянской оппозиции действовать в смысле долготерпения, выказывая дворянству доверие и не придавая особенного значения его оппозиционным выходкам; но необходимо избегать всякой действительной уступки этой оппозиции, следуя неуклонно избранному Вашим императорским величеством пути благодетельных преобразований и одинакового беспристрастия ко всем сословиям русского народа.

